
Бюро ритуальных недоразумений
— Книга вторая —
Бархатный заговор

Константин Третьяков

Бюро ритуальных недоразумений 2. Бархатный заговор.

https://litres.ru/74728307
SelfPub; 2026

Аннотация

После знакомства с Адом, демонами и потусторонней бюрократией Евгения Потусторонникова, казалось бы, уже ничем не удивить. Но у вечности припасено немало сюрпризов.

На этот раз неприятности приходят в виде старого театрального бархата, подозрительных документов и требования предъявить оригинал договора. Клавдия Степановна, призрак с безупречными манерами и непростым прошлым, оказывается в центре загадочного заговора, связанного с чужой памятью.

Жене, Гене и их друзьям предстоит выяснить, кому принадлежит память умершего, куда исчез театральный суфлёр и зачем аду понадобился старый занавес.

В потустороннем мире даже воспоминания можно оформить в собственность. Главное — не забыть поставить подпись. И желательно сначала прочитать договор.

Особенно мелкий шрифт.

Константин Третьяков
Бюро ритуальных недоразумений 2. Бархатный заговор.

БЮРО РИТУАЛЬНЫХ НЕДОРАЗУМЕНИЙ
Книга вторая

БАРХАТНЫЙ ЗАГОВОР
Мистическая комедия

Пролог, или о том, как занавески могут довести до суда.

За окном подвальной конторы «Вечный Покой» стоял апрель — робкий, неуверенный, с тем особым выражением лица, какое бывает у человека, впервые пришедшего на работу после долгого больничного. Дождь, который три недели назад хлестал так, будто небо решило смыть с тротуара всю магическую инфраструктуру, сменился мелкой интеллигентной моросью. Вечная лужа на месте. Вывеска, обещавшая «Снятие порч, экзорцизм, упокоение. Скидки многодетным», больше не скрипела — Женя, наконец, смазал петли. Правда, теперь она слегка покосилась вправо, из-за

чего слово «упокоение» читалось как «упоение», что, впрочем, привлекало новую категорию клиентов.

Внутри пахло иначе. Не сыростью и пыльными фолиантами, а чаем, жареным хлебом и — совсем чуть-чуть — лавандой. Лаванда была нововведением Клавдии Степановны. «Для атмосферы, Женечка. Чтобы клиенты чувствовали себя как в театре. В хорошем театре. Не как у Бергманов».

Сами занавески — предмет двухсотлетней одержимости и трёхнедельной гордости — были тёмно-зелёные. Не бордовые. Не серые. Тёмно-зелёные, бархатные, с золотистыми кистями по нижнему краю. Клавдия Степановна выбирала их сорок минут, паря над прилавком в магазине тканей и доводя продавщицу до состояния, близкого к религиозному экстазу. «Бордовый — это Бергманы, — изрекла она тогда, скрестив полупрозрачные руки на груди. — Мы будем оригинальными. Зелёный — цвет надежды. И зависти. Пусть Бергманы завидуют».

Женя сидел за массивным дубовым столом — тем самым, доставшимся от деда-некроманта, — и сосредоточенно изучал содержимое пузырька с надписью «Эктоплазмо-Стоп-Форте». В пузырьке оставалось четыре таблетки. Четыре. Три недели назад он глотал по три за раз, как леденцы от горла. Теперь обходился одной. А иногда — и вовсе без. Крапивница больше не вспыхивала от каждой потусторонней эманации. Ухо чесалось редко. Глаз дёргался только по понедельникам, и то — скорее по привычке.

— Геннадий, — позвал он, не поднимая головы. — Ты убрал линолеум от следов когтей?

Из-за шкафа раздалось виноватое шуршание, а затем появилась макушка Геннадия — серая, с торчащим вихром и крошечными рожками, которые за три недели стали чуть заметнее. Бывший бес-стажёр, а ныне «штатный бес с испытательным сроком длиною в вечность», держал в руках тряпку и банку с надписью «Полироль для адских поверхностей. Не для линолеума».

— Я почти закончил. Но тут, на самом деле, не когти. Тут кошка. Опять.

— Какая кошка?

— Та самая. Рыжая. Которая рацию отобрала. Она, кажется, решила, что наш подвал — её территория. Я ей говорю: «Уйди, я штатный бес, у меня полномочия!» А она на меня смотрит. И вылизывается. Женя, у неё во взгляде столько презрения, что мне хочется подать заявление об увольнении.

— У тебя нет полномочий увольняться. У тебя испытательный срок. Вечность.

— Я знаю. Но мечтать-то можно.

Геннадий шаркнул тряпкой по линолеуму и тот зашипел — в том месте, где ещё три недели назад дымился след от курьерских ботинок.

— Осторожнее, — предупредил Женя. — Дед сказал, этот участок ещё «фонит». Остаточная эманация. Если сильно тереть — может открыться мини-портал в Третий круг. А у

меня там знакомых нет.

— У вас вообще знакомых мало, — заметил Геннадий.

— Зато все — с пломбами на лбу.

В этот момент из холодильника — того самого, через который дед Всеволод оптимизировал «горячую линию с Адом» — раздался приглушённый голос:

— Женя! Женя, ты меня слышишь?

Геннадий вздрогнул. Женя — нет. За три недели он привык, что дед связывается через холодильную камеру строго между 3:00 и 3:15 ночи по земному времени. Но сейчас было одиннадцать утра.

— Деда? Ты чего не по расписанию?

— Расписание — для консультантов. А я тебе новость сообщаю. Экстренную. В Отделе Межведомственных Перевозок сменили начальника. Новый — педант. Говорят, пересматривает все контракты за последние пятьсот лет. Если что-то всплывёт по нашему делу — не пугайся. Но лучше бы не всплывало. Всё, связь прерывается. У меня тут очередь в столовую. Сегодня щи из грешников. Шучу. Из капусты. Но грешники рядом стоят, смотрят. Неуютно.

Холодильник щёлкнул и замолчал. Геннадий посмотрел на него с опаской.

— Ваш дед всегда такой?

— Какой?

— Ну… оптимистичный. В условиях Ада.

— Он триста лет в тапочках с помпонами. Оптимизм —

это не черта характера. Это диагноз.

Клавдия Степановна материализовалась у окна — на этот раз полностью, с обеими туфельками, что Женя счёл добрым знаком. В полупрозрачных руках она держала невидимую чашку и делала вид, что пьёт чай. За двести лет она довела этот жест до совершенства: наклон головы, лёгкий вздох, движение несуществующей ложечки. Если не знать, что чашки нет — можно было поверить.

— Женечка, — произнесла она тоном человека, который собирается сообщить нечто важное, но начинает издалека. — Я сегодня утром разговаривала с голубями.

— С голубями.

— Они сидели на подоконнике. Я им говорю: «Молодые люди, у нас серьёзное учреждение, а вы тут гадите». А они мне: «Курр-курр, на вас жалоба подана». Я им: «Какая жалоба?» А они: «Курр-курр, из Министерства оккультного надзора. Курр-курр». И улетели.

Женя медленно положил пузырёк на стол.

— Клавдия Степановна. Голуби не разговаривают.

— А тот, с рацией, тоже не разговаривал, пока я ему не объяснила, что такое дикция. Женечка, я двести лет в призрачном состоянии. Я с кем только не разговаривала. С голубями, с воронами, с тем котом из ЖЭКа, который приходит проверять лифт. Кот, кстати, очень разумный. У него взгляд философа.

— У нас нет лифта.

— А он всё равно приходит. Проверяет. Записывает в блокнотик. У него лапка с когтем вместо ручки. Очень трогательно.

Женя потёр переносицу. Голуби. Министерство. Жалоба. Три недели тишины, тортик по расписанию, зелёные занавески, и вот — пожалуйста.

— Ладно. Может, показалось. Голуби — они такие. Курр-курр. Ничего конкретного.

И именно в этот момент в дверь постучали.

Не метлой. Не когтями. Не чем-то дымящимся. Просто — костяшками пальцев. Три удара. Вежливые. Уверенные. Человеческие.

Женя и Геннадий переглянулись. Клавдия Степановна прижала невидимую чашку к груди.

— Может, это клиент? — прошептал Геннадий.

— У нас не бывает клиентов.

— А вдруг?

Женя подошёл к двери — той самой, которую они наконец починили, но которая всё равно открывалась только после третьего рывка. Заглянул в прадедовский «глазок» из вулканического стекла.

По ту сторону стояла старушка. Маленькая, сухонькая, в платочке и с авоськой. В авоське — рассада. Помидорная. Три кустика, аккуратно повязанные ниточкой.

Женя открыл дверь.

— Добрый день, — сказала старушка голосом, в котором

было столько простой, незамутнённой надежды, что у Жени защемило где-то в районе четвёртого позвонка. — Вы тут, говорят, порчи снимаете? У меня рассада чахнет. Третий год подряд. Соседка говорит — сглаз. А я говорю — нет, это земля тяжёлая. Но она говорит — сглаз. И привела меня к вам. Вы не посмотрите? Я заплачу. У меня пенсия. Небольшая, но…

Женя открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

За три недели существования бюро «Вечный Покой» в обновлённом составе — со штатным бесом, призраком-актрисой и дедом-консультантом на удалёнке — к ним не зашёл ни один живой клиент. Ни один. Ни старушка с рассадой, ни бизнесмен с полтергейстом, ни подросток с одержимым телефоном. Никто.

А теперь — вот. Авоська. Помидоры. Пенсия.

— Конечно, — сказал Женя, и голос его дрогнул. — Конечно, посмотрим. Проходите. Чай будете?

— Ой, спасибо, милый. А у вас тут уютно. Зелёненько.

Клавдия Степановна просияла. Геннадий спрятал тряпку за спину и попытался принять официальный вид. Получилось плохо — на щеке у него было пятно от полироли, а рожки предательски блестели.

Старушка прошла внутрь, аккуратно поставила авоську на стул и начала оглядываться. Женя уже тянулся за ингалятором — привычка, рефлекс, три недели аллергии не проходят бесследно, — когда краем глаза заметил движение за окном.

В приямке, за стеклом, стоял человек. Не демон. Не курьер. Не бес. Просто человек. Высокий, в идеально скроенном сером пальто. Седые виски. Тонкие очки. На нагрудном кармане — платок. Бордовый. Бархатный. Аккуратно сложенный треугольником.

Он смотрел прямо в окно. На старушку. На авоську. На Женю. На зелёные занавески. Его взгляд задержался на занавесках на секунду дольше, чем следовало. Затем он достал из внутреннего кармана блокнот. Записал что-то. Закрыл блокнот. Убрал.

И ушёл. Не торопясь. Не оглядываясь. Просто — ушёл.

Женя моргнул. В стекле, на том месте, где стоял незнакомец, осталась визитка. Он не помнил, как она там оказалась. Может, её подсунули в щель, пока он отвернулся. Может, она всегда там была.

Он взял визитку. Плотная, кремовая бумага. Тиснение золотом. Шрифт с засечками.

«Бюро магических решений "Сглаз долой". Аудит. Консалтинг. Индивидуальный подход.».

И ниже, мелко, почти неразборчиво:

«А. Бергман. Лично. Конфиденциально. Мы всё видим».

Женя повертел визитку в пальцах. Посмотрел на старушку, которая с надеждой разглядывала помидорную рассаду. На Клавдию Степановну, которая замерла у окна с выражением, какое бывает у актрисы, увидевшей конкурента в первом ряду. На Геннадия, который всё ещё прятал тряпку за

спиной и тихо шептал: «Не надо. Не надо. Не надо».

— Женечка, — произнесла Клавдия Степановна тихо, и в голосе её не было ни капли театральности. Только то, что было хуже театральности.

— Я знаю этот платок. И почерк знаю. Женечка… это он. Мы встречались задолго до того, как ты открыл бюро. И я очень надеялась, что больше не встречусь.

— Кто?

Но она не ответила. Только поправила невидимый платочек и отвернулась к зелёным занавескам.

А за окном апрель продолжался. Моросило. Лужа отражала серое небо. И где-то в бордовом кабинете с бархатными стенами, кто-то открыл блокнот и обвёл кружком адрес: «Подвал. Ул. Тенистая, 13. Бюро "Вечный Покой"».

И подписал: «Проверить. Занавески. Не простить».

Глава 1. В которой Бергманы видят слишком много, а Женя получает повестку

Бергманы жили напротив в бизнес-центре «Золотой Телец», и это было первое, что следовало о них знать. Не «Сглаз долой», не бюро магических услуг, не конкуренты. Бизнес-центр. «Золотой Телец».

Пока Женя сидел в подвале с вечной лужей и линолеумом, который после визита курьера из Выездного Взыскания пах палёной резиной и лёгким экзистенциальным кризисом, Бергманы сидели в шикарном офисе. С панорамными окнами. С кожаными креслами. С кофемашиной, которая

делала капучино с пенкой в форме пентаграммы. И с бордовыми бархатными занавесками, которые Клавдия Степановна при каждом упоминании комментировала одним и тем же словом: «Пошлость». Аркадий Бергман был высоким, сухим, идеально выглаженным мужчиной лет шестидесяти, с седыми висками, тонкими очками и привычкой складывать платок в нагрудном кармане ровно треугольником. Говорил он тихо. Никогда не повышал голос. Не нуждался. Когда Аркадий Бергман говорил тихо, все остальные замолкали. Не из уважения. Из-за инстинкта. Так замолкают в зале, когда гаснет свет и из темноты кто-то делает первый шаг на сцену. Эдуард Бергман, сын, был копией отца, но в уменьшении и с поправкой на возраст: тридцать два, гель для волос, запонки, и та особая улыбка, которая бывает у людей, уверенных, что мир — это переговорная, а они в ней ведущая сторона.

Тем же утром, несколькими часами раньше, в половине девятого, когда Женя в подвале только-только поставил чайник и пытался убедить Клавдию Степановну, что зелёные занавески не нуждаются в дополнительном ламбрекене, Аркадий Бергман сидел в своём кабинете и смотрел в окно.

Не на город. На подвал.

Подвал был виден неплохо. Но Аркадий Бергман не нуждался в хорошем обзоре. Если он мог что-то не заметить, на этот случай у него были голуби.

— Эдуард, — произнёс он, не оборачиваясь. — Подойди.

Эдуард подошёл. В руках — планшет, на планшете — рас-

писание клиентов на день. Три снятия порчи, одно упокоение, одна консультация по фэн-шую для офиса. Хороший день. Прибыльный.

— Видишь подвал? Тенистая, тринадцать.

— «Вечный Покой»? Этот клоповник?

— Не клоповник. Конкурент.

Эдуард позволил себе короткую усмешку. Конкурент. Сырой подвал с вечной лужей у крыльца и вывеской, которая держится на честном слове и ржавых петлях. Конкурент.

— Папа, у них за три месяца не было ни одного клиента. У них дверь с петель. У них призрак в занавесках.

— У них, — Аркадий снял очки и протёр их платком — тем самым, бордовым, — три недели назад был визит. Из Ада.

Тишина. Эдуард перестал усмехаться.

— Что?

— Сначала один. Серый. В накидке, которая дымилась. С чем-то светящимся на лбу. Зашёл. Вышел. С коробкой. А позже — ещё четверо.

— Четверо?

— Четверо. Один высокий, бледный, как бухгалтер на похоронах. Второй — с глазами на ладонях. Третий — не разобрал, как дым. Четвёртый — маленький, с папкой. Зашли. Вышли. И все — в никуда. Как будто их не было.

Эдуард медленно сел. Встал. Снова сел.

— Может, показалось. Может, это был…

— Не показалось. Я видел. Своими глазами. Из этого окна. — Аркадий постучал пальцем по витринному стеклу. — Три метра, Эдуард. Три метра. Я не нуждаюсь в голубях, чтобы видеть, что происходит в трёх метрах от моего кабинета.

— И что это значит?

— Это значит, что Потусторонников ведёт дела с инфернальными структурами. Без лицензии. Без регистрации. Без уведомления Министерства оккультного надзора. А это, Эдуард, статья четырнадцать, пункт семь. «Несанкционированное взаимодействие с потусторонними инстанциями». Штраф. Лишение права на практику. И, в случае повторного нарушения, — Аркадий аккуратно сложил платок обратно в карман, — конфискация помещения.

— Помещения? Там же подвал.

— Подвал, — повторил Аркадий. — На месте силы. Третьей категории. Ты знаешь, сколько стоит парковка для клиентов на месте силы третьей категории?

Эдуард не знал. Но по лицу отца понял, что много.

— Пишем жалобу, — сказал Аркадий. — В Высший Арбитражный Суд Магов. Полную. С голубями, с фотографиями, с энергетическими замерами. Пусть проверят. Пусть придут. Пусть закроют.

— А если не закроют?

Аркадий посмотрел на сына. Тихо. Спокойно. Так смотрят на ребёнка, который спросил, зачем пристёгиваться в машине.

— Тогда закроем сами.

В подвале на Тенистой, тринадцать, Женя не знал ни про голубей, ни про офис с Бергманами, ни про статью четырнадцать, пункт семь. Он знал, что чайник закипел, что Клавдия Степановна наконец согласилась на занавески без ламбрекена («Но я запомнила, Женечка. Я запомнила»), и что Геннадий в третий раз за утро уронил единственную папку с «архивом» — ту самую, в которой лежал договор аренды, два чека из «Пятёрочки» и рисунок рыжей кошки, который Геннадий нарисовал от скуки. Кошка на рисунке была похожа на облако с когтями.

— Геннадий, — сказал Женя, наливая чай. — Ты сегодня какой-то нервный.

— Я не нервный. Я бдительный.

— Это одно и то же, только с разным выражением лица.

— Нет. Нервный — это когда боишься. Бдительный — это когда ждёшь. Я жду.

— Чего?

— Не знаю. Но чувствую. У меня рожки чешутся. Это к переменам.

Клавдия Степановна, парившая у окна в позе «задумчивая героиня второго плана», вдруг напряглась.

— Женечка. Голуби.

— Что голуби?

— Их нет.

Женя посмотрел в окно. На подоконнике, где обычно си-

дели два сизых голубя и вели с Клавдией Степановной беседы о дикции, было пусто.

— Может, улетели.

— Голуби не улетают. Голуби сидят. Голуби — это мебель. Ты когда-нибудь видел, чтобы шкаф улетел?

— Клавдия Степановна, голуби — не мебель.

— А что же они?

— Птицы.

— Женечка, не говори ерунды. Голуби — это декорация. Они сидят на подоконнике и создают атмосферу. Если они улетели — значит, декорацию убрали. А декорацию убирают, когда меняется сцена.

Женя открыл рот, чтобы ответить, что голуби улетают, потому что у них есть крылья, и что смена декораций в подвале на Тенистой, тринадцать, маловероятна, — но в этот момент в окно врезался голубь.

Не сел. Не приземлился. Врезался. Клювом в стекло. Тук. Тук. Тук. Как будто кто-то очень спешил и забыл, что стекло твёрдое.

Геннадий подскочил. Клавдия Степановна ахнула. Женя поставил чашку.

Голубь был не один. На лапке у него болталась капсула — маленькая, металлическая, с гравировкой. Голубь тукнул ещё раз, стекло дрогнуло, и капсула отцепилась. Упала на подоконник. Голубь посмотрел на Женю глазами, в которых было столько казённого равнодушия, сколько бывает только

у почтальонов и судебных приставов, и улетел.

Женя открыл окно. Взял капсулу. Открутил.

Внутри — свиток. Пергамент. Настоящий. С водяным знаком и штрих-кодом. Пахло сургучом и чем-то канцелярским — тем самым запахом, который Женя помнил по Аду. По Отделу Вечного Согласования. По Мельхиору.

Он развернул.

«ПОВЕСТКА»

Высший Арбитражный Суд Магов

Дело № 4471-Б/2025

Ответчик: Потусторонников Е.М., бюро ритуальных услуг "Вечный Покой", ул. Тенистая, д. 13, подвал.

Истец: Бюро магических решений "Сглаз долой", Бергман А. Р.

Предмет: несанкционированное взаимодействие с инфернальными структурами (ст. 14, п. 7 ФЗ "Об оккультной деятельности").

Явка обязательна.

При себе иметь: 1. Магическую лицензию (оригинал + 2 копии). 2. Справку об отсутствии задолженностей перед инфернальными структурами. 3. Характеристику от участкового. 4. Паспорт. 5. Хорошее настроение (рекомендовано).

Неявка приравнивается к признанию вины.

Подпись: Секретарь ВАСМ, Темнописарев В. А.»

Под подписью, мелким почерком, от руки:

«П.С. Торт берите. У нас тут ремонт, столовая закрыта».

Женя перечитал. Потом ещё раз. Потом положил пергамент на стол, рядом с чашкой чая, и посмотрел на Клавдию Степановну.

Клавдия Степановна смотрела на пергамент. Геннадий смотрел на пергамент. Из-за холодильника высунулась голова деда.

— Чего тут? — спросил дед.

— Суд, — сказал Женя.

— Какой суд?

— Высший Арбитражный Суд Магов. Бергманы. Статья четырнадцать. Несанкционированное взаимодействие.

Дед Всеволод помолчал. Потом медленно, с расстановкой, произнёс:

— А лицензия у тебя есть?

— Нет.

— Справка об отсутствии задолженностей?

— Дед, у меня контракт на триста лет заморожен. Какая справка.

— Характеристика от участкового?

— Участковый думает, что я торгую свечами.

Дед Всеволод кивнул. Как будто всё сходилось. Как будто именно этого он и ожидал.

— Ну что ж, — сказал он. — Значит, без адвоката не обойтись.

— У меня нет денег на адвоката.

— У тебя нет денег на чай. У тебя нет денег на линолеум.

У тебя нет денег на занавески. — Клавдия Степановна обидчиво поправила невидимый платочек. — Но у тебя есть торт.

Все посмотрели на холодильник. В холодильнике, за банкой маринованных огурцов и половиной вчерашнего борща, стоял «Пражский». Стратегический. Неприкосновенный. Последний.

— Торт не является валютой, — сказал Женя.

— В Аду является, — возразил дед Всеволод. — В Аду, Женя, торт — это валюта, аргумент и форма извинения. Если в Высшем Арбитражном Суде Магов сидит хоть один нормальный человек — торт сработает.

— А если не сидит?

— Тогда будешь есть сам. В камере.

Геннадий тихо сказал:

— А можно я не пойду в камеру? У меня испытательный срок. Если я в камеру — мне продлят. А мне ещё рожки донашивать.

Женя посмотрел на повестку. На штрих-код. На приписку про торт. На дату. Пять дней. Пять дней, чтобы найти лицензию, которой нет. Справку, которой не может быть. Характеристику от участкового, который думает, что Женя продаёт свечи.

И адвоката. Которого тоже нет.

— Ладно, — сказал Женя. — Дед. Кого ты знаешь?

Дед Всеволод сел на табуретку. Табуретка скрипнула. Он посмотрел в потолок. Потом на Клавдию Степановну. Потом

на зелёные занавески.

— Есть один, — сказал он. — Кривосудов. Бывший судья. Разжалованный. Живёт в заброшенном здании старого магического суда. Берётся только за безнадёжные дела. И только за торт.

— Безнадёжные — это к нам, — сказала Клавдия Степановна.

— Торт — это к нам, — сказал Геннадий.

Женя посмотрел на холодильник. На «Пражский». На последний, стратегический, неприкосновенный «Пражский».

Вздохнул.

— Ладно. Завтра идём к Кривосудову. А сегодня — спим. И не открываем дверь. И не отвечаем голубям. И не смотрим в окно.

Из-за окна, из-за стекла, из-за апрельской мороси, кто-то смотрел. Не голубь. Не демон. Просто человек. В сером пальто. С блокнотом.

Женя задёрнул зелёные занавески.

И не увидел, как в блокноте, под адресом «Тенистая, 13», появилась новая строчка:

«Повестка доставлена. Ждём реакции».

В офисе «Сглаз долой» Аркадий Бергман допил кофе. Поставил чашку аккуратно, по центру блюдца.

— Эдуард.

— Да, папа.

— Подготовь документы для суда. Все. И вызови оценщи-

ка. Пусть посмотрит подвал. Тихо. Без магии.

— Зачем оценщик?

— Чтобы знать, сколько стоит. Когда заберём.

Эдуард кивнул. Вышел. Закрыл дверь.

Аркадий Бергман остался один. Посмотрел в окно. На подвал. На зелёные занавески, которые кто-то только что задёрнул.

— Не бордовые, — пробормотал он.

И открыл блокнот на новой странице.

Глава 2. В которой торт идёт на приём к судье, а безнадёжное дело оказывается просто плохо оформленным

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.